

Уже три месяца подряд
под снегопад с аэродрома
ты едешь в черный Петроград,
и все вокруг тебе знакомо.
И все жива в тебе Москва,
и все мерещится поспешно
замоскворецкая трава,
замоскворецкие скворешни.
Летит автобус в декабре,
но все, по-прежнему печальный,
стоит в обшарпанном дворе
мой брат, мой родственник недалний,
и трубный голос слышу я
и, как приказу, повинуюсь.
— Прошла ли молодость твоя.

Прошла, прошла. Я не волнуюсь.
Отъездом в дальние края,
отлетом в близкую отчизну
трехчасового забытья
предвижу медленную тризну
и повторяю: не забудь.
Пускай не преданность, а верность
храни в себе кому-нибудь
и новой родины поверхность
под освещением косым
люби, куда б ни закатился,
и вспоминай ее, как сын,
который с братьями простился.

январь 1962